

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Юмартов Дмитрий Андреевич

**Сравнительный анализ философских концепций
Рози Брайдогги и Донны Харауэй**

5.7.2. История философии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата философских наук

Москва – 2024

Диссертация выполнена на кафедре философии языка и коммуникации философского факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Научный руководитель:

Костикова Анна Анатольевна, кандидат философских наук, доцент

Официальные оппоненты:

Блохина Наталья Александровна, доктор философских наук, доцент, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина», доцент кафедры философии и методологии науки Института истории, философии и политических наук;

Павлов Александр Владимирович, доктор философских наук, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет гуманитарных наук, руководитель Школы философии и культурологии, профессор;

Гуров Олег Николаевич, кандидат философских наук, ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук», философский факультет, доцент.

Защита диссертации состоится «24» июня 2024 г. в 17:00 на заседании диссертационного совета МГУ.057.2 Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119234, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4 (учебно-научный корпус «Шуваловский»), философский факультет, аудитория А-518 (Зал заседаний Ученого совета факультета).

E-mail: diss@philos.msu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций Научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3033>.

Автореферат разослан «__» _____ 2024 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук

А.П. Беседин

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования

Диссертационное исследование посвящено сравнительному анализу концепций Розы Брайдогги и Донны Харауэй – востребованных новейшей философией теорий, сосредоточенных прежде всего на принципиальной множественности субъекта, локальности и неустойчивости его идентичности и на рассмотрении возможности преодоления как в самом субъекте, так и в обществе оппозиции человеческого и не-человеческого. Последний аспект тематики концепций Розы Брайдогги и Донны Харауэй осмысливается прежде всего современными исследованиями искусственного интеллекта.

Постулируемый субъект не имеет закрепленной структуры и неизменной сущности, способен постоянно актуализировать различные потенциальные признаки и собирать их во временные сборки (которые образуют его принципиально временную сущность), и поэтому может быть назван гибридным субъектом. Фигурой гибридного субъекта для Д. Харауэй является киборг, а для Р. Брайдогги – номад (кочевник). У обеих авторов образ гибридного субъекта не отсылает к антропологии классического гуманизма. Напротив, и киборг, и номад собираются как ассамбляжи из человеческих компонентов и компонентов не-человеческих – иных существ и предметов, к примеру, животных или технических устройств и искусственных интеллектов. При этом как людей, так и животных или техники в обособленном виде для Д. Харауэй и Р. Брайдогги не существует, поскольку все действующие лица во вселенной принципиально взаимопроникаемы. Обе исследовательницы критикуют дуализм механистического и объективированного окружающего мира и активно воздействующего человека-субъекта в классической субъект-объектной онтологии. Следовательно, их философию можно назвать постгуманистической. Помимо критики антропоцентризма, Харауэй и Брайдогги критикуют эссенциализм, предзаданность и неизменность статусов, сущностных категорий самого человека. Более того, в отличие от других постгуманистов, человек

является главным референтом их изысканий, особенно на раннем этапе творчества Харауэй, где она говорит о гибридном субъекте как о человеке, прошедшем трансформацию из-за изменения политической и технокультуры. Ключевым предметом в критике эссенциализма по отношению к человеку для обоих авторов является гендер: они отрицают релевантность и применимость самого понятия гендера, призывая к элиминации категорирования, а не к увеличению поименных сущностей. Поэтому их философию, в противовес радикальному феминизму или квир-теории, можно назвать постгендерной. Отрицание возможности адекватно отражать мир и общество путем окончательной классификации и структуризации сущего позволяет считать Харауэй и Брайдотти наследниками постструктуралистского направления мысли.

Диссертационное исследование направлено на раскрытие основных идей Харауэй и Брайдотти в рамках антропологии, социальной, политической философии и онтологии, сравнение их между собой; на анализ повлиявших на их идеи событий и теорий, смежных исследований; на изучение влияния указанных авторов на современную философскую мысль; на возможность реализации проектных интенций на определенных цифровых платформах. Здесь особым образом отмечается, что некоторые последователи Харауэй (К. Хейлс, С. Плант) видели киборгизацию в переносе социальных и культурных практик в независимое от актуальных¹ характеристик субъекта виртуальное пространство Интернета. Продолжая эту мысль, ставится гипотеза об экстраполяции подобных предложений на качественно иную среду, а именно на графическую симуляцию, в которой присутствует возможность конструирования альтернативной телесности и идентичности вместе с ощущением этой телесности, что предоставляет технология непосредственной интеграции субъекта в виртуальный мир. Такая виртуальная реальность симулирует пространство образности, в которое человек погружается с помощью устройств, связывающих программу и органы чувств и/или когнитивную деятельность. Мир такой

---

¹ То есть не-виртуальных.

виртуальной реальности дан её пользователю непосредственно в ощущениях и имманентно является автономным от порождающей его реальности. Такая виртуальность позволяет наблюдать за цифровой средой, находясь внутри её пространства, взаимодействовать с симуляцией, отождествляя свои манипуляции с действиями управляемой модели. В виртуальной реальности, таким образом, люди смогут конструировать свой альтернативный образ, не привязанный к актуальной физиологии, и постоянно менять его, а нацеленность современных проектов метавселенных на социогенез позволит сформировать автономное сетевое сообщество, членами которого также может стать искусственный интеллект и некоторые животные, что раскрывает и постгуманистический потенциал.

Актуальность настоящей диссертационной работы, таким образом, обусловлен тремя факторами:

1. Философские концепции Розы Брайдотти и Донны Харауэй представляют оригинальное объединение постгуманизма с постструктуралистскими теориями идентичности человека. Обе темы по отдельности относятся к новейшей философии и активно исследуются в последние несколько лет, причем только начинают осваиваться отечественным академическим дискурсом. Философия Харауэй и Брайдотти позволяет в более персонацифированном и конкретном виде расширить постструктуралистскую традицию, заимствуя и развивая понятия ризомы, номадологии, критику «центризмов» и «дуализмов», утверждая новые децентрализованные конфигурации социальных взаимоотношений, предвосхищая дальнейшие дискуссии о целостности человека, вдохновляя сообщество ученых гуманитарных, технических и естественных наук на смежные исследования.

2. Работы Харауэй и Брайдотти оказали принципиальное влияние на современную философскую, научную и общественную мысль. «Манифест

киборгов»² повлиял на становление кибер-анархизма (С. Планта, Н. Лэнд) и в целом на эмансипационное восприятие сети Интернет, идеологи которого рассматривали анонимность, децентрализованность, независимость сетевых аватаров от реальных тел и социальных ролей и положений как побег от конституируемых обществом, корпорациями и государством границ, условий и конструкторов. Помимо этого, понятие киборга благодаря Харауэй зачастую используется не столько для описания фантастического персонажа, перегруженного электроникой и обладающего сверхспособностями, сколько для фигуры современного человека, в которой сливается органическое и техническое, человеческое и животное, дом и работа. Идеи Харауэй и Брайдогги отражаются в концепциях новой «плоской» онтологии: спекулятивном реализме К. Мейясу³, объектно-ориентированной онтологии Г. Хармана⁴, теории ассамбляжей М. Деланда⁵, когнисферы К. Хейлс⁶, агентном реализме К. Барад⁷. Представление Харауэй о геологических эпохах и об историчности природы Земли используют экологи, геологи и антропологи, например, В. де Кастру⁸ или А. Мол⁹. К рассмотрению природы и техники с позиции их взаимопроникновения с разных сторон обращаются представители

---

² Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. М.: Ад Маргинем. – 128 с.

³ Мейясу К. Вычитание и сокращение: Делёз, имманенция, материя и память, 2012. – 35 с

⁴ Харман Г. Четвероякий объект: метафизика вещей после Хайдеггера. Пермь: Гиле Пресс, 2015. – 147 с.

⁵ Мануэль Д. Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность. Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 170 с.

⁶ Hayles K. Unfinished Work: From Cyborg to Cognisphere // Theory, culture & society. Vol 23. Issue: 7-8. 2006. – P. 159 – 166.

⁷ Барад К. Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость // Опыты нечеловеческого гостеприимства. Антология / Под ред. Крамар М., Саркисов А. М.: V-A-C press, 2018. – С. 42-122.

⁸ Кастру де В. Каннибальские метафизики. Рубежи постструктурной антропологии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2007. – 200 с.

⁹ Аннмари М. Множественное тело. Онтология в медицинской практике. М.: Гиле Пресс, 2018. – 254 с.

современного искусства (выставки «Да живет иное во мне», «Полиморфы», «Удел человеческого», «Hysterical Mining», арт-группа VNS Matrix и так далее).

3. В диссертации предлагается новый взгляд на виртуальную реальность. Актуальность этого нового взгляда обусловлена бурным развитием VR-технологий и обсуждением социальных и этических особенностей существования в виртуальной реальности. Такие обсуждения всегда подразумевают то, что находящийся в виртуальном пространстве человек будет обособлен в той или иной степени от актуального мира. Эта автономность, очевидно, шире, чем при использовании Интернета или компьютерных игр, поэтому встает вопрос об особенностях конструирования аватара, второй личности. Более того, существует потребность в философском рассмотрении пространства, времени, субъекта в графической виртуальной реальности, поскольку философия имеет богатый терминологический аппарат для онтологии виртуальности, может концептуализировать культурно-символическое содержание проектов виртуальной реальности, анализировать социум и индивида (с его идентичностью и телесностью). Хотя в данной работе в историко-философском ключе прежде всего исследуется развитие взглядов Харауэй и Брайдотти, в ней также намечаются возможные онтологические подходы к технологии виртуальной реальности, поскольку она видится как конкретная платформа существования не «метафизического» гибрида. Виртуальная реальность рассматривается не как игровая, образовательная или тренировочная площадка, и не как площадка для реализации своих желаний, связанных с актуальным статусом, а также не как Интернет, но как симуляция с возможностью конструировать альтернативный образ и с возможностью его менять, а также как место взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Особую актуальность тема альтернативных «аватаров» приобрела с проектами метавселенных, а постгуманистический аспект – с совершенствованием нейросетевых языковых алгоритмов, к примеру, запуском системы ChatGPT-4 и других систем генеративного искусственного интеллекта.

Степень научной разработанности проблемы

Некоторые затрагиваемые в диссертации темы достаточно подробно освещены в исследовательской литературе, другие активно изучаются в настоящее время, а третьи практически не изучены. Само по себе совмещение философии Харауэй и Брайдотти с виртуалистикой в виде реализации проекта гибридного субъекта в виртуальной симуляции с подчеркиванием взаимодействия человека и искусственного интеллекта представлена впервые. Если разбить рассматриваемые темы на части, то можно выделить следующие: философия Харауэй, философия Брайдотти, постгуманизм и новые онтологии, работы по концептуализации виртуальной реальности.

1. В отечественной философии в 2010-х и 2020-х годах появилось немало исследований, посвященных осмыслению киборганического субъекта Харауэй. Её философия изучается в работах А.Д. Митрофановой¹⁰, О.В. Сергеевой¹², В.А. Суковатой¹³, О.Н. Гурова¹⁴, Е.А. Лазаревой¹⁵, В. Беляева¹⁶. Книга «Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене», вышедшая в 2016 году, оказалась достаточно востребованной, причем не только в среде философов

---

¹⁰ Митрофанова А.Д. Киборг как код новой онтологии. Политические и эпистемологические аспекты гибридных тел // Логос. Том 28. №4. 2018. – С. 109 – 128.

¹¹ Митрофанова А.Д. «Киборганическая утопия» и онтология нового материализма // Практики и интерпретации. Том 3. №3. 2018. – С. 18 – 36.

¹² Сергеева О.В. Экран закрепощающий, экран освобождающий: теоретики феминизма о медиа-технологиях // Наука телевидения. №11. 2014. – С. 145-253.

¹³ Суковатая В.А. Киборг: «Оживший мертвый» или «Мертвый живой»? Тело и его трансгрессии в пространстве цифровой культуры: панорама образов // Международный журнал исследований культуры. №3 (8). 2012. – С. 69 – 73.

¹⁴ Гуров О.Н. Слияние человека и машины: взгляд Дэвида Кроненберга на проблему киборга // Технологос. 2023. №4. – С. 60 – 70.

¹⁵ Лазарева Е.А. Киборг и гендер: от Маринетти к Харауэй и обратно. // В сборнике: Границы нормы: трансформация гуманизма в русской и европейской культуре Нового и Новейшего времени. Москва, 2020. – С. 471 – 485.

¹⁶ Беляев В. Историко-философские аспекты проблемы «нечеловеческого» в социокультурных исследованиях и исследованиях медиа // Galactica Media Journal of Media Studies. №2 (1). 2020. – С. 36 – 51.

(например, статьи А. Дерры¹⁷ и Б.В. Подороги¹⁸), но и в среде экологов и антропологов. Здесь стоит выделить статью «Ситуативное заведение сородичей и "проблема" населения» исследователей окружающей среды К. Доу и Дж. Ламоро¹⁹ и «Нерешительность во время горения планеты: подходы к антропоцену» антрополога А. Хорнборга²⁰. Рецепция номадологии Делеза у Брайдотти была исследована в статье Д.А. Старостиной²¹. Как постгуманист, Брайдотти рассматривается у М.В. Тлостановой²². Концепция ситуативного знания и позиционная эпистемология затрагиваются А.В. Баемой в кандидатской диссертации²³. Квир-теория наиболее полно выражена в книге А. Джагоз²⁴. Сравнительный анализ Харауэй и Брайдотти практически не представлен в академической литературе. А.В. Павлов разграничивает трансгуманизм и постгуманизм, обозначает его прежде всего как культурное явление, обращая внимание на политический пафос Харауэй и Брайдотти, желающих дать голос всем группам, вынесенным за скобки²⁵. Ещё больше о разнице между трансгуманизмом и постгуманизмом говорит А.И. Криман, поскольку по её

---

¹⁷ Derra A. Holobionts, Symbiosis and New Narratives for the Troubled Times of Donna Haraway's Chthulucene // *Analiza i Egzystencja: czasopismo filozoficzne*. №50. 2020. – P. 79 – 93.

¹⁸ Подорога Б.В. Перипетии симпозиуса: размышления об одном понятии из книги Д. Харауэй «Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в хтулуцене». // *Vox*. Философский журнал. Выпуск 35. 2021. – С. 151 – 162.

¹⁹ Dow K., Lamoreaux J. Situated Kinmaking and the Population "Problem" // *Environmental Humanities*. №12 (2). 2020. – P. 475 – 491.

²⁰ Hornborg A. Dithering while the planet burns: Anthropologists' approaches to the Anthropocene // *Reviews in Anthropology*. #46. Issue 2-3. 2017. – P. 61 – 77.

²¹ Старостина Д.А. Формирование дискурса о теле в феминистских исследованиях: второй пол, субъект в процессе, номадическая субъективность // *Социология*. №6. 2021. – С. 34 – 45.

²² Тлостанова М.В. Поста́нтропоцентрический антигуманизм против другого гуманизма как гуманизма другого. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия*. 2015. № 1. – С. 33 – 48.

²³ Баева А.В. Объективность и артефакт в современной эпистемологии: дис. канд. филос. наук специальности 09.00.01. Защищена 15.12.2021. – М., 2021. – 204 с.

²⁴ Джагоз А. Введение в квир-теорию // М.: Канон+, 2008 – 208 с.

²⁵ Павлов А.В. Постгуманизм. Преодоление и наследие постмодернизма // *Вопросы философии*. № 5. 2019. – С. 24 – 35.

точке зрения, трансгуманизм является новой итерацией гуманизма, исходя из классических гуманистических корней и заявляя о транс-человеке как об апофеозе человеческой сущности, как о торжестве разума и компетенции управлять природными законами²⁶.

2. Новые онтологии рассматриваются Леви Р. Брайантом²⁷, как и у нас, с противопоставлением их декартовскому субъект-объектному дуализму и механицизму. А. Сюткин обращается к понятию совокупности виртуального как Спинозовской субстанции, полю сингулярностей как демократической совокупности элементов бытия, квази-причинности как событийной объединяющей силы, и провозглашает Делеза отцом новых «плоских» онтологий вроде М. Деланда или Дж. Беннет²⁸. Понятие корреляционизма, описывающее гносеологию Канта как поставившую человеческую способность интерпретировать реальность выше самой реальности, раскрывается в работах И.А. Девайкина²⁹, Н.А. Черняк³⁰, Н.П. Кнэخت³¹. Как «плоские» онтологии, акторно-сетевая теория, агентный реализм, так «поиск сородичей» у Харауэй и критическая постгуманитаристика Брайдотти рассматриваются в статье А.А. Писарева³². Онтология «однозначного бытия» Делеза также была проанализирована через сравнение с бергсоновской длительностью и

---

²⁶ Криман А.И. Идея постчеловека: сравнительный анализ трансгуманизма и постгуманизма // *Философские науки*. Т. 64. №4. 2019. С. 132–147.

²⁷ Брайант Л. Р. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // 2014. *Логос*. №4 (100). 2014. – С. 275 – 292.

²⁸ Сюткин А. – Жиль Делёз среди новых материалистов: материалистическая диалектика против неовитализма // *Стасис*. Том 7. №1. 2019. – С. 420 – 447.

²⁹ Девайкин И.А. О понятии корреляционизма: К. Мейясу, Г. Харман, Р. Брассье // *Идеи и идеалы*. Т. 14. № 1. Ч. 1. 2022 – С. 82 – 99.

³⁰ Черняк Н.А. Спекулятивный реализм vs корреляционизм // *Вестник Омского университета*. Том 24. №2. 2019. – С. 188 – 192.

³¹ Кнэخت Н.П. Новый спор о старой проблеме: объективно ориентированная онтология и спекулятивный реализм // *Экономические и социально-гуманитарные исследования*. №1 (9). 2016. – С. 41 – 46.

³² Писарев А.А. Сети, плоскости, материя: об употреблении плоских социальных онтологий // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2020. № 1 (51). – С. 144 – 157.

спинозовской «cause sui» А. Бадью в книге «Делез "Шум бытия"»³³.

3. Состояние исследований по проблеме виртуальной реальности в отечественной философии и гуманитарных науках видится двояким. С одной стороны, виртуальная реальность часто рассматривается только как интернет-пространство и с этой позиции проблематизируется³⁴. С другой, некоторые авторы рассматривают виртуальную реальность именно как среду с погружением в её пространство. Задел для соединения философского термина «виртуальное» в значении «сила превращения возможности в действительность» с технологией составили А.И. Галкин³⁵ и А.Ю. Севальников³⁶. Коммуникация в виртуальной реальности рассматривается с помощью концептуального аппарата философов-постмодернистов в статье А.А. Костиковой³⁷. Определение технологической виртуальной реальности, важное для данного исследования, а также обоснование философской значимости метавселенных предоставил А.П. Сегал^{38,39}. О.И. Елхова составила важный для онтологии субъекта в виртуальной реальности «индекс виртуальности»⁴⁰. В зарубежной литературе виртуальная реальность именно в значении симуляции мира исследуется чаще. Можно

---

³³ Бадью А. Делез. Шум бытия. / Пер. с франц. Д. Скопина. – М.: Логос-Альтера, 2004. – 184 с.

³⁴ См., например: Алексеева К.А. Самопрезентация в киберпространстве: границы реального и выдуманного // Гуманитарий юга России. Том 8 (36). №2. 2019. – С. 26 – 36; Коркия Э. Д. Идентичность в виртуальной реальности: новые альтернативы // Теория и практика общественного развития (электронный журнал). № 2. 2017. – С. 9 – 13.; Севальников А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – С. 208 – 242.

³⁵ Галкин А.И. Философские проблемы виртуальной реальности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2004, №4. – С. 3-9.

³⁶ Севальников А.Ю. Онтологические аспекты виртуальной реальности. М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 384 с.

³⁷ Костикова А.А. Цифровая коммуникация: историко-философский анализ // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2019. – С. 49 – 54.

³⁸ Сегал А.П., Савченко А.В. Виртуальная реальность – онтология, эпистемология, праксис. Постановка проблем // Искусственные общества. Том 15. 2020.

³⁹ Сегал А.П., Савченко А.В. Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной // Искусственные общества. Том 16. №4. 2021.

⁴⁰ Елхова О.И. Индекс виртуальности: философское обоснование. // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 3. – С. 99–107.

выделить концепцию трансреальности игры К. Линдли⁴¹, которая описывается как сочетание игрового процесса с игровым физическим опытом в актуальном мире. При таком подходе субъект находится в едином игровом пространстве и перемещается между его уровнями. Выявляются риски политического манипулирования с помощью машинного интерфейса, угрозы конфиденциальности, принижению фактического социального процесса, что можно привести к обесцениванию проблем реального мира и моральному релятивизму в сфере реального социального взаимодействия⁴². Нашумевшей стала книга Д. Чалмерса «Реальность Плюс»⁴³, в которой он в несколько алармистской манере рисует относительно недалекое будущее, в котором невозможно будет отличить цифровое от физического. Он выдвигает интересные гипотезы о изменении законов физики в виртуальных мирах, рассуждает о возможности наступления уже предсказанного в киберпанковской литературе тоталитаризма корпораций, владеющих серверами, и даже говорит о борьбе за права NPC (неигровых персонажей) в будущем. Однако этой книге недостает системности, несмотря на комплексность. Свободное видеоизменение телесности (или представленности) аватара в метавселенных будущего как один из вариантов консьюмеризма проблематизируется в статье О.Н. Гурова и Т.А. Коньковой⁴⁴. Понимание виртуальной реальности как пространства для киборгизации и свободы телесных и личностных идентификаций мы видим в статье В.А. Ульянова «Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности»⁴⁵ – наиболее близкой к нашему исследованию статье. В данной

---

⁴¹ Lindley C.A. Trans-reality gaming, in Proceedings of the 2nd Annual International Workshop in Computer Game Design and Technology. Liverpool: John Moores University, 2004. – P. 1 – 10.

⁴² Gualeni S. Virtual Worlds as Philosophical Tools: How to Philosophize With a Digital Hammer. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.

⁴³ Chalmers D. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. Washington: Publisher, 2022. – 544 p.

⁴⁴ Гуров О.Н., Конькова Т.А. Метавселенные для человека или человек для метавселенных // Искусственные общества. – 2022. – Т. 17. – № 1.

⁴⁵ Ульянов В.А. Постгендерная характеристика виртуального: генезис андрогинности // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. № 2. 2012. – С. 158 – 171.

диссертации, однако, раскрывается потенциал виртуальной реальности не просто как пространства «андрогинности», но как пространство мутуализма идентичности и слияния техники и органики в киборгов в целом.

Целью исследования является сравнительный анализ содержания и практических следствий философских концепций Розы Брайдотти и Донны Харауэй для уточнения их понимания гибридного субъекта, востребованного новейшей философией.

Для осуществления обозначенной цели служат следующие **задачи**:

1. Реконструировать основные положения эссенциализма, субъектно-объектного дуализма, традицию противопоставления мышления и протяженности, а также кантианский корреляционизм⁴⁶.

2. В свете критики эссенциализма и дуализма рассмотреть ключевые положения неомонистических онтологий, теорию дискурсивности, социальных конструкторов и их перформативности, постмодернистское утверждение множественности вместо унитарности, философию становления и различия;

3. Проследить развитие взглядов Донны Харауэй от «Манифеста киборгов» к «Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене», изменение терминологии, её образов «киборга» и «голобионта»;

4. Раскрыть характеристики номадизма и представление о номаде у Розы Брайдотти в контексте рецепции ею взглядов Ж. Делеза и французской философии различия;

5. Исследовать влияние концепции гибридного субъекта на осмысление информационно-цифровых технологий;

6. Проанализировать онтологические свойства и функциональные возможности виртуальной реальности, классифицировать виртуальные пространства по уровню их автономии от актуальной реальности,

---

⁴⁶ Термин К. Мейясу (см., например, Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности. М.: Кабинетный ученый, 2016 – С. 12).

классифицировать идентичность в виртуальной реальности по её отношению к нарративу и по степени отражения актуальной идентичности и телесности;

7. Смоделировать гипотетический проект реализации гибридности в интерсубъективных виртуальных мирах и метавселенных.

Объектом исследования являются философские работы Розы Брайдотти и Донны Харауэй.

Предметом исследования является сравнительный анализ философских концепций Розы Брайдотти и Донны Харауэй.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1. Реконструированы культурные предпосылки и философские концепты, прямо или косвенно оказавшие влияние на Харауэй и Брайдотти. Показано, что на Харауэй в разное время повлияло становление технокультуры, консолидация политических движений, постпозитивизм, акторно-сетевая теория Б. Латура. Выделены оказавшие влияние на Брайдотти работы Ж. Делеза и Ф. Гваттари, а также феминистская философия различия-в-себе. Описана связь работ Харауэй и Брайдотти с неомонистическими онтологиями.

2. Изложены и проанализированы как основные идеи ранней Донны Харауэй – киборг как концепт и киборг как субъект будущего, крушение границ, политический миф, так и терминология и идеи её поздних работ – голобионты, хтулуцен, симпоэзис, компостирование.

3. Рассмотрены характеристики номадизма и представление о номадическом субъекте Розы Брайдотти в контексте влияния проекта субъекта Ж. Делеза и французской философии различия.

4. Предложена систематизация общих идей Харауэй и Брайдотти, которые, несмотря на сходство, редко исследуются вместе. Сформирован концепт гибридной идентичности и гибридного субъекта как её носителя путем объединения идеи отказа от постоянства категорирующих признаков человека с постгуманистическим эгалитаризмом.

5. Рассмотрены и систематизированы идеи (периода «кибер-анархизма» 1990-е годов) С. Плант, Н. Лэнда и К. Хэйлс об освобождающем и антиэссенциальном характере интернет-пространства, об онтологическом равенстве человека и компьютера, с которым он взаимодействует.

6. Утверждается, что местом как для свободного создания и динамического изменения альтернативной телесности человека, так и для равенства человека и искусственного интеллекта может стать интерсубъективная (многопользовательская) графическая симуляция с погружением в виртуальный мир и с участием искусственного интеллекта во взаимодействиях людей.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования видится во введении в философию понятий гибридного субъекта и многовидового эгалитаризма, раскрытии связи новых онтологий с релятивистским пониманием субъекта, в рассмотрении концепций гибридного субъекта как соединения постгуманизма и относящегося к человеку постструктурализма, в систематизации разноплановых сочинений Розы Брайдогги и Донны Харауэй, в проведении сравнительного анализа формирования и содержания их философских взглядов; в разработке онтологических характеристик виртуальной реальности как технологии, разработке предполагаемой структуры общества в графической симуляции.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать содержание диссертации для проведения курсов по новейшей истории зарубежной философии, философии постструктурализма, социальной философии, в подготовке спецкурсов по философии и социологии виртуальной реальности или метавселенной. Также представляется возможным использовать предложения, сформулированные в третьей главе работы, в создании концептов видеоигровых и виртуальных симуляций, метавселенных, геймдизайнерской документации.

Методологическая основа диссертационного исследования.

Основными методологическими подходами в данной работе являются общепhilosophические методы (анализ, синтез), методы теоретической реконструкции и историко-сравнительного анализа, традиционные для историко-philosophического исследования. Они позволяют проследить преемственность концептов, продемонстрировать заочный спор между классической философией и современной. Также используется метод контекстуализма – положения теории Харауэй и Брайдотти следует рассматривать в том числе как порождение времени: информационной революции, научной фантастики, биологических и экологических открытий. Обособленно стоит метод моделирования – он позволяет распространить философский проект на конкретную техническую платформу, выдвинуть гипотезы и совершить первичную концептуализацию футурологического сценария, который представляется вполне возможным.

Положения, выносимые на защиту

1. Выделяется две взаимосвязанных ключевых темы концепций Харауэй и Брайдотти: проект полиморфного субъекта и проект межвидового эгалитарного взаимодействия. Эти концепции состоят из двух разделов: во-первых, это критика традиционной субъектности, эссенциализма и дуализма внутренних и внешних по отношению к человеку структур и иерархий и утверждение человека становления без раз и навсегда определенной сущности, которому свойственны такие признаки, как спонтанность, множественность и незавершенность, во-вторых, это отказ от антропоцентрического взгляда на мир и размытие концептуальных границ между ранее вынесенной за скобки природой и техникой. Отказ от главенства человека в онтологической иерархии у Харауэй и Брайдотти приводит к тому, что человек с его новой изменчивой идентичностью и отсутствием привязки к старым категориям типа пола или расы также включается в обновленную структуру деантропоцентрического мира, образуя собой сплав техники, животного и человеческого. Концепции Харауэй и

Брайдотти следует рассматривать вместе и называть теориями гибридного субъекта, который способен к постоянной реконфигурации.

2. На концепцию киборга у Харауэй повлияли научные открытия и культурные феномены 80-х годов: становление информационного общества, постколониальный дискурс и зарождение квир-теории, достижения в области искусственного интеллекта, биологические открытия, разрушающие традиционные представления о человеческом теле и поместившие человека в ряд с другими живыми организмами, научно-фантастические утопии о единстве человека и машины. На поздние взгляды Харауэй оказал влияние Бруно Латур. Киборг Харауэй – это как мыслительный конструкт реальности, который теряет различия между человеческим и животным, физическим и органическим, так и одновременно проект будущего полиморфного субъекта без стабильных сущностных характеристик, пребывающего в обществе солидарности (для ранней Харауэй – как слияния техники и органики, для поздней – как часть единого планетарного организма). Идентичность киборга, независимая от классических «гуманистических» стереотипов, собирается в любых доступных воображению модификациях, разбирается и пересобирается заново.

3. Брайдотти соединила кочевников, «множественных субъектов становления», избавившихся от эдипизированной тоталитарной идеологии, из «Капитализма и шизофрении» Ж. Делеза и Ф. Гваттари⁴⁷ с концепцией Л. Иригарей⁴⁸ о «женском» сознании как о нелинейном и интерпретативном, рассматривая современную культуру как материально-реалистический номадический процесс, который влечет за собой активное смещение доминирующих идентичностей, форм памяти и идентификации. Номадизм для Брайдотти – это активное переосмысление себя, дестабилизация субъекта и актуализация его виртуальных (в смысле «скрытых в теле без органов»)

---

⁴⁷ Делёз, Ж., Гваттари, Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екб: У-Фактория, 2007. – 672 с.

⁴⁸ Иригарей Л. Этика полового различия. / Пер. с фр. А. Шестакова и В. Николаенкова. – М.: Художественный журнал, 2004. – 184 с.

потенциалов с помощью техники и связей с природой. Для неё гибридной идентичностью является расширенная и обретаемая в процессуальности телесность, которая выходит за рамки границ репрезентации и субстрата живой материи, пребывающая в монистическом эмерджентном мире, главное отношение которой – различие.

4. Концепции гибридного субъекта привнесли в неомонистические онтологии личностный модус. Широкий ряд мыслителей современных постгуманистических философий испытал влияние Харауэй и Брайдотти, особенно влияние «Манифеста киборгов». Проблемой концепций гибридной субъектности является неспособная к постоянной переконфигурации телесность субъекта. Технология графической виртуальной реальности с интеграцией пользователя в соединении с социальной структурой онлайн-игр, в отличие от других цифровых технологий, способна реализовать концепции гибридности без тотального изменения культуры и без вмешательства в актуальные тела, но с возможностью конструировать свою телесность независимо от актуальной. Тогда образуется симуляция мира, в которой отыгрывать придуманные ими роли может множество людей, находящихся в коммуникации друг с другом. В виртуальном социуме идентичность человека может быть противоположна его идентичности в реальном мире и вместе с телом меняться по желанию индивида. Более того, виртуальная реальность позволяет наблюдать виртуальный мир «из глаз» аватара, через системы связи органов чувств и программы симулировать ощущения или даже напрямую воздействовать на мозг (посредством нейрокомпьютерного интерфейса), то есть дает возможность воплотить альтернативную телесность с чувством присутствия и с комплексом ощущений. Коммуникативное и интерактивное поле виртуальной реальности может содержать не только людей, но и развитые нейросети-потомки не-игровых персонажей видеоигр, которые будут имманентно выглядеть внешне и, возможно, по поведению схожими с аватарами реальных людей.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Достоверность полученных результатов обеспечивается принятой научной методологией исследования, принципами объективности и академической этики, опорой на основные источники (работы Донны Харауэй и Розы Брайдотти) и широкий круг исследовательской литературы на русском и английском языках.

Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры философии языка и коммуникации философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Основные положения и выводы диссертационного исследования были изложены в 4-х научных статьях, опубликованных в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Основные результаты диссертационного исследования были представлены на 16 международных и российских конференциях ⁴⁹. Также автор был соорганизатором секции «Феномен де-антропологизации в современном философском дискурсе» на IX научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Философия в XXI веке: новые стратегии философского поиска» в 2021 году.

Структура работы определяется ее целью и задачами. Она состоит из введения, основной части (трех глав, разделенных на параграфы), заключения и библиографического списка литературы.

---

⁴⁹ С полным перечнем докладов автора можно ознакомиться на сайте «ИСТИНА» по следующему URL: https://istina.msu.ru/workers/242598913/talks/#conference_presentations.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во **введении** обосновываются актуальность и новизна исследования, определяются объект и предмет исследования, ставятся его цели и задачи, формулируются основные положения, выносимые на защиту, освещаются степень разработанности темы и методология исследования, характеризуется апробация результатов исследования автором.

В **первой главе «Онтологический и социально-философский фундамент гибридного субъекта Р. Брайдогги и Д. Харауэй»** автором рассматриваются предпосылки и оказавшие влияние на Харауэй и Брайдогги теории. В **первом параграфе «Эссенциализм и дуализм»** описывается две пресуппозиции, характерных для классической философии – эссенциализм неизменных форм и дуализм материально-природного и идеально-духовного. Парменид провозгласил вечное и неделимое бытие, доступное для логики и рационального познания, в котором длительность и множественность являются иллюзиями на пути мнения. Платон, продолжая дихотомию пути истины и пути мнения, вывел родовые качества вещей в трансцендентное пространство и противопоставил их неподвижность и полноту изменчивым материальным вещам, которые являются отражениями идей и никогда не являются предельной реальностью. Аристотель перевел эссенциализм в телеологическую плоскость: все сущее определяется целью его осуществления. Из эссенциалистского дискурса о бытии в целом следует универсализм и натурализм человеческих категорий в частности. Дуализм мышления и протяженности, акцентированный Декартом путем привнесения в пару «вещи-идеи» христианского психологизма, привнес субъектное измерение в понятие идеального и отделил объективированную и данную нам для познания и изменения природу от деятельной, чувственной и познающей человеческой души. Во **втором параграфе «Антиэссенциализм, конструкты и дискурсивность»** описывается теория социального конструктивизма, дискурсивный анализ общества М. Фуко. Рассматривается символический интеракционизм, показавший нестабильность

социальных конструкторов, возникновение, подтверждение и изменение идентичности в ситуациях публичного взаимодействия, в многочисленных ритуалах и в неосознанной демонстрации своей идентичности окружающим. В *третьем параграфе «Философия различия»* проводится экскурс в проблематизацию тождества и идеи постоянности человеческой идентичности, выражаемой через поведение, язык и текст при ограниченной и в той или иной степени бинарной системе идентификации. Рассматривается феминистская критика языка и культуры: предприятие, в котором раскрывался рациональный и категорированный «мужской текст», а ему противопоставлялся многозначный и вариативный «женский»; идея Ю. Кристевой о «женском» субъекте как о двойственном и неустоявшемся в противовес определившемуся в чувственном опыте и в доминантном порядке «мужскому» субъекту. Анализируется квинтеория. В *четвертом параграфе «Постструктурализм и неомонизм»* дается обзор «плоской» онтологии, неомонизма и критики эссенциализма. В них, с одной стороны, преодолевается разрыв мышления и протяженности, с другой, утверждается отсутствие всякой вертикали и ранжирования как принципа, в соответствии с которым устроено бытие. Вещи определяются во времени и порождают только локальные событийные сборки, не размещаемые в пространственной горизонтальной иерархии и растворимые со временем, при этом все вещи и идеи находятся в тесном контакте и во взаимодействии друг с другом и не противопоставляются друг другу, являются составом единой эмерджентной субстанции, содержание которой инвертируется до принципиальной множественности и изменчивости как основы мира.

Во второй главе **«Концепции гибридного субъекта Р. Брайдотти и Д. Харауэй»** исследуются образы гибридного субъекта Харауэй и Брайдотти, киборга и номада. В *первом параграфе «Киборг Донны Харауэй»* анализируется «Манифест киборгов»⁵⁰. Прежде всего это наблюдаемые ей отказы от дуализмов, тотальностей социальных групп, технический и научный прогресс. По мнению

---

⁵⁰ Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг. – 128 с.

Харауэй, в 80-ые годы произошло крушение трех важных дихотомий: животного и человеческого, органического и технического, физического и эфирного, при этом в социальной реальности произошла деэссенциализация женского, а люди стали объединяться в более локальные группы, солидаризированные друг с другом тем, что они разные. Чтобы описать такую смешанную субъективность, Харауэй вводит метафору киборга. С индивидуальной точки зрения, тело киборга гетерогенно и сложено из составных частей, не образующих единой и постоянной системы, в которых нет элемента, что может быть выделен как основной и встать в тотализирующую позицию. С социальной точки зрения киборг вплетен в общество, в котором нет тотальных групп и в котором все пересечения формируют лишь ситуативные союзы. Но киборганическую антропологию следует понимать не только как метафору, но и гипотетический и запутанный план дальнейшего вещественного развития субъекта, что схоже с пониманием политического мифа Жоржа Сореля. Физический киборг Харауэй – существо будущего, которое не обладает стабильной идентичностью и может в любой момент менять свою конфигурацию, разбираясь и собираясь заново. В последней крупной работе «Оставаясь со смутой»⁵¹ Харауэй описывает вещественное понимание киборга (в этой работе – уже голобионта) в эпоху хтулуцена, где люди и другие животные воспроизводят и изменяют друг друга и окружающий мир с заботой и ответственностью, метафорически соединенные «щупальцами-тентаклями», открывающими новые возможности планетарного метаболизма. Во *втором параграфе «Номадический субъект Розы Брайдотти»* реконструируется концепция номадической субъектности у Брайдотти. Философия Брайдотти прошла долгий путь от «Образцов диссонанса»⁵² 1991 года к «Постчеловеку»⁵³ 2013 года. В первых работах концепция женской множественности как различия-в-себе Люси Иригарей

---

⁵¹ Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулуцене. Пермь: Hyle Press, 2020. – 340 с.

⁵² Braidotti R. Patterns of Dissonance: An Essay on Women in Contemporary French Philosophy. Cambridge: Polity Press; 1991. – 316 p.

⁵³ Брайдотти Р. Постчеловек / Пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 480 с.

консолидируется с фигурой кочевого субъекта Делеза и Гваттари. Фигура номада – это избегающий любых стабильных репрезентаций и социальных относимостей субъект, осознающий постоянное своеобразие и разнообразие своих качеств. В отличие от Делеза, номад Брайдотти более явно совмещает в себе не только человеческое, но и животное и техническое. Замечается, что конвергенция различных ранее дифференцированных направлений технического развития ведет к появлению гибкой и множественной идентичности не только путем интеллектуализма и нового дискурса, сколько путем слияния и взаимозависимости человека и вычислительных машин. В последних работах Брайдотти критикует квир-теорию за умножение поименных идентичностей, эгоцентричное понимание виртуальной реальности как места для манифестации собственного Я, антропоморфизацию природы, а также захват темы множественности субъекта развитым капитализмом, что влечет новые формы эксплуатации. И устранение капиталистической логики, и трансгуманистического эгоизма, и очеловечения природы вместо взаимопроникновения Брайдотти видит в повороте к другим субъектам, к онтологическому пацифизму, который следует из делезовского понимания строения спинозовской субстанции. Брайдотти разделяет типы экзистенции различных акторов на «zoe» и «bios». «Bios» – это логика человеческого существования и та органическая жизнь, которая культурно модулируется идеологией разделения, нормализации и подавления, действующая как якобы естественная данность, а на деле как идеология. «Zoe» – это витальная сила жизни, динамичная, генеративная и самоорганизующаяся, как всякая органическая материя; симбиоз техники и животных, противопоставленный человеческому. В экзистенцию «zoe» человек, изменив свое отношение к идентичности, может быть включен на тех же правах, что и другие её части⁵⁴. В *третьем параграфе «Сходства и различия фигуры гибрида у Р. Брайдотти и Д. Харауэй»* сравниваются концепции гибридного

---

⁵⁴ Braidotti R. The Politics of Like as Bios/Zoe. // Bioscience and Technology. University of Washington Press, 2008. – Pp. 179 – 196.

субъекта в философии Харауэй и Брайдотти. Оба автора постулируют общество гибридов, которое является обществом многообразия и межвидового эгалитаризма, в нем смешиваются потерявшие четкие внутренние схемы и ранжирование человеческое, прочее органическое и техническое. Утверждается, что философию гибрида можно разделить на фиксирование его концептуального существования в мыслительной ориентации современной социальной реальности («так мыслят прогрессивные интеллектуалы»), на онтологическое взаимопроникновение категорий технического и органического («онтологически сущее принципиально динамично и разнообразно») и на проект, воззвание к дальнейшему разворачиванию и легитимации гибридности в будущем («такими мы должны на самом деле стать»). Делается вывод, что для Брайдотти более важно признание дифференциации, отказ от «уплощения» мира, к тому же Брайдотти считает, что необходимые физические изменения уже произошли и путь к гибридизации лежит за избавлением от идеологий и политик патриархата и капитализма, тогда как по Харауэй культура уже изменилась достаточно для того, чтобы всем живым существам заняться совместным (в том числе физическим) преобразованием и воссозданием друг друга в симпозиуме на основе солидарности и оппозиционного сознания для создания новой геологической эпохи из руин антропоцена.

В третьей главе «**Развитие и воплощение идеи гибридного субъекта Р. Брайдотти и Д. Харауэй**» утверждается, что местом реализации гибрида может быть виртуальная реальность в виде графической симуляции с интеграцией субъекта. Несмотря на то, что сама Харауэй прямо не ссылаясь на виртуальное пространство как на место воплощения сознания киборга, её «Манифест киборгов» оказал влияние на рассмотрение цифровых способов взаимодействия и репрезентации как возможностей для децентрализации идентичности и побега от навязываемых строгих категорий. В *первом параграфе «Восприятие информационно-цифровых технологий в работах последователей Р. Брайдотти и Д. Харауэй»* говорится, что современная техника стала сложной и автономной, перестала быть «подручной», машина больше не отчуждена от

человека, человек не смотрит на неё как на объект эксплуатации. Симбиоз человека и компьютера был осмыслен Сэди Плант, которая сравнила принципы функционирования компьютера и его восприятие в культуре с номадическим способом прочтения, восприятия и преобразования мира. Ник Лэнд видит киберпространство как отрыв от институциональных практик, механизацию желаний и одновременно сплочение кибер-общества. В «Как мы стали постлюдьми»⁵⁵ Кэтрин Хейлс развивает идеи Харауэй о пересборке субъекта, но при этом критикует ее материализм и утверждает примат когнисферы (всеобщего проникновения информации и рациональности) над материей. Постчеловеческий субъект для Хейлс не обязательно должен обладать реальным телом, он просто должен быть воплощен на некой платформе. Хейлс отмечает, что само по себе человеческое тело как материальный объект никогда не обладало автономностью и собственной ценностью, над ним всегда превалировали душа, разум, сознание и прочие категории; теперь же мы можем утвердить информационную метрику. **Во втором параграфе «Виртуальная реальность: от онтологии до технологии»** разбирается понятие виртуального с онтологической и технической точек зрения. Производится классификация виртуальных сред по уровню их автономности от физической или актуальной реальности, где интернет как платформа представляет лишь виртуальную вербальность, а наибольшей независимостью обладает графическая виртуальная реальность с интеграцией субъекта в управляемую модель. Анализируются графические симуляции, разграничиваются реалистичность и реализм, вещь и образ, аналог и модель, присутствие и эффект присутствия, материальная данность и феноменальная данность. **В третьем параграфе «Идентичность, телесность и интерсубъективность в виртуальных мирах»** характеризуется статус человека в виртуальной среде, его телесности и идентичности, производится классификация идентичности по отношению к нарративу (персонаж, ролевой персонаж и аватар), выделяются два полюса реализации

---

⁵⁵ Hayles K. How We Became Posthuman Virtual Bodies in Cybernetics, Literature, and Informatics. Chicago: University of Chicago Press, 1999. – 364 p.

виртуального образа – репрезентация, то есть воспроизведение материального и социального наличия, или альтерация, то есть конструирование без отсылки на актуальную реальность. При этом отмечается, что создателем той или иной виртуальной реальности может быть вписана возможность моделирования телесности пользователем, описываются intersубъективные сообщества в современных онлайн-играх, возможности коммуникации и тактильного взаимодействия в графической симуляции с погружением. Для реалистичной симуляции общества нужно достичь подобия системного социального устройства. В *четвертом параграфе «Метавселенные как практическое решение и искусственный интеллект в них»* раскрывается постгуманистический аспект виртуальной реальности – возможность искусственного интеллекта имманентно виртуальному пространству выглядеть также, как погруженные в него люди, и также воздействовать на него и взаимодействовать с людьми и друг с другом, не будучи при этом частью предметного поля игрока, как в обычных видеоиграх. В этом же параграфе описываются проекты метавселенных, то есть intersубъективных симуляций актуальной жизни с переходами между культурно-символическими и биофизическими мирами. Метавселенные определяются через смежные понятия мультивселенных и экосистем. Автор приходит к выводу, что обеспечить альтерацию телесности и идентичности, а не «цифровые копии», смогут только те метавселенные, которые ставят целью построить социально-обусловленный альтернативный мир, а не выступить графическим продолжением («Zoom» в виртуальной реальности) сети Интернет. Утверждается, что отсутствие закрытой идентичности, которую всегда можно подметить и запомнить в реальности, а также возможность постоянного выбора новых миров с новыми культурными и биофизическими особенностями в виртуальной искусственной среде могут создать сообщество постоянного становления и различения.

В **заключении** приводятся основные выводы, полученные в ходе диссертационного исследования, и намечаются возможные стратегии дальнейшего развития темы гибридного субъекта.

III. СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Публикации в изданиях, отвечающих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова (включенных в Список рецензируемых научных изданий по философским наукам, утверждённый решением Ученого совета МГУ имени М.В. Ломоносова):

1. Юмартов Д.А. Понятие политического мифа в философии Донны Харауэй // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 2022. № 10. С. 44 – 49 (импакт фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) — 0,302/0,441).
2. Юмартов Д.А., Шувалова М.А. Автономность и номадический релятивизм цифровой идентичности // *Искусственные общества*. 2021. Т. 16. Выпуск 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://artsoc.jes.su/s207751800017576-2-1/>. (импакт фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) — 0,536/0,730).
3. Юмартов Д.А. Инклюзивность как основной принцип постгуманизма // *Гуманитарные ведомости ТПГУ им. Л.Н. Толстого*. 2021. №4. С. 109 – 122. (импакт фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) — 0,240/0,276).
4. Юмартов Д.А. Виртуальная реальность как пространство свободной самоидентификации // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: Философия. 2021. № 1. С. 140 –148. (импакт фактор РИНЦ (пятилетний/двухлетний) — 0,144/0,121).

Авторский вклад соискателя в публикации за номером 2 составляет не менее 50%.